

Сидит на белом войлоке, играет с маленькой бутылочкой с таблетками в руке.

Чу Тяньмэн хочет рассказать последнюю историю "Лян Чжу", Цзы Сяошэн все еще должен ему ответить. Но подумайте, некоторые ответы он уже получил от Юй Сюэра.

Подняв в руке маленькую бутылочку с лекарством, Чу Тянь улыбнулся и сказал: "Посмотри на лекарство!"

Одним ртом Чутянь понюхал свой рот, полный аромата, прохладный воздух тела несколько не уменьшил, все еще в его теле постоянно циркулировал. Эта маленькая пилюля находится за пределами воображения, она более чем в сто раз сильнее любого лекарственного снадобья, которое принимал Чутянь.

После того, как он захмелел, Чу Тянь посмотрел на постепенно поднимающееся небо и медленно сказал: "Эта история произошла, когда я встретил старика на обочине дороги. Он хотел пить и умирал. Я дал ему чашу воды, чтобы спасти жизнь. Он рассказал мне эту историю. К сожалению, он слишком хотел выпить воды и случайно умер, поэтому эту историю знаю только я".

Цзы Сяошэн выглядел мрачным и уставился на Чутяня. Его выражение лица было явно злобным, и он молча смотрел на Чутяня. Ты что, идиот? То же самое было и в прошлый раз!

Фэн Цзин не знал, куда выйти, тихо стоя позади Цзы Сяошэна, пара детей уставилась на Чу Тяня, продолжая наблюдать.

"Эта история, династия, год, месяц, место, не могут быть проверены".

Задыхаясь, разинув рот, Чутянь медленно произнес историю "Пионового павильона", тигр, который был весь в воде, кричал с края водопада, вопя: "Эй, пурпурный мальчик, ты спас. Жизнь сильного брата? Можешь быть осторожен, Тянь Гир с ранних лет будет нести чушь, мы не знаем, сколько раз он продолжал!".

Цзы Сяошэн был так зол, что посмотрел на тигра, который внезапно вскочил и влепил ему оплеуху.

Тигр, который только что взобрался на край водопада, закричал, и от пощечины он упал назад и был сброшен водопадом.

Чу Тянь "□□" улыбнулся и продолжил говорить, что история, которая изначально была красивой и трогательной, все больше и больше раскачивалась.

Когда появился энтузиазм, пальцы Чу Тяня щелкнули по струнам, и Манн запел красивейший пейзаж, а затем песня стала изысканной, а слова - мягкими, мелодичными. Вокал сливается воедино, и Цзысяошэн и Фэнцзин как два гуся в грозу, а ошеломленный рот Чжана не может издать ни звука.

От Цзы Сяошэн исходил странный звук. Один из шести охранников, окружавших ее, сидел на земле. Перед ней лежал толстый лист нефритовой бумаги, а правая рука словно летала. Каждая фраза запомнилась накрепко.

Чу Тянь взглянул на здоровяка и медленно, не торопясь, рассказал историю.

Чем больше Фэнцзин слушала, тем больше раздражало ее настроение. В конце концов, ее сияние тускнеет, и ужасная сила готова разразиться. Чутянь только чувствует прилив холода, прекрасного и красивого. Кленовый скорпион предмета на самом деле создавал у него иллюзию более страшного, чем древний зверь.

Выдержав давление, оказанное Фэнцзин, Чутянь наконец-то рассказал историю всего Пионового Павильона.

На вершине водопада царила тишина. Когда Чу Тянь закончил последнее слово, охранник также скопировал последнее слово. Он тихо опустил последний штрих, затем встал и пошел с толстым листом нефритовой бумаги. Вернулся в горный лес с одной стороны.

Цзы Сяошэн сжал нефрит руками и уныло посмотрел на небо. Он снова и снова заучивал вокал Чу Тяня, повторяя изысканные, прекрасные и трогательные слова.

Спустя долгое время Цзы Сяошэн легко стабилизировался.

В скорпионе вспыхнул странный свет, и Цзы Сяошэн посмотрел на Чутянь с другим цветом. Внезапно он спросил: "Чутянь, знаешь ли ты просторы этого мира?".

Чу Тянь остался, он смотрел на странного фиолетового Сяошэна, немного смущаясь, что спросил его: "Цзы Цзыци, не будет ли пяти человек?".

Цзы Сяошэн тупо улыбнулся, нефрит мягко покачивался в его руке. Он сказал: "О шести кровавых жертвоприношениях, похоже, вы уже знаете? Я не имею никакого отношения к этим пяти. Я только прошу тебя, ты можешь подумать, сходить посмотреть на пейзажи за пределами Дачжина?".

'Увидеть пейзаж за пределами Великого Цзинь?'

Чу Тянь посмотрел на Цзы Сяошэна, который был очень серьезен в своем поведении, и почувствовал нелепое чувство в своем сердце.

Прошлой ночью Янь Сюэр все еще чувствовала тоску по Чу Тяню. Их семья насчитывает уже несколько поколений, и поколения элиты дошли до 100 000-летнего возраста. Они хотят найти конец этого мира, но за бесчисленные годы так ничего и не нашли.

Цзы Сяошэн был так спокоен, и он сказал, что возьмет его с собой, чтобы покинуть Дачжин и увидеть внешние пейзажи.

Покинуть Дачжин?

Значит ли это, что ты сможешь избежать \*\*\*\* крови шести праздников крови?

Почему сердце Цзы Сяошэна сжалось? Только потому, что Чу Тянь рассказал две истории, которые для него очень обычны?

Однако у Чутяня здесь столько забот!

Не могу уйти.

Не могу идти.

Не могу уйти.

Не хочет уходить.

"Почему мои глаза полны слез... Потому что я слишком сильно люблю Тайцзинь, эту жаркую землю". Чутянь очень серьезно сказал Цзысяошэну: "Пурпурный сын добр, Чутянь сердечен. Но Чутянь не уходит. Открой его".

Цзы Сяошэн глубокомысленно посмотрел на Чутяня. Он пробормотал про себя: "Ты не можешь открыть? Чу Тяньхэ, Чутянь, ты всего лишь маленький зонд тюремного храма?".

Чутянь немного застенчиво потрогал свой нос. Он немного смущенно посмотрел на Цзы Сяошэна: "Именно, это глава тюремного храма. Секретный агент и бандит тюремного храма, но "□"...□, Две системы с четкими границами."

"Удар по руке

!" Пурпурный Сяошэн не мог не ухмыльнуться, рука Юхуа подсознательно стукнула по голове Чутянь.

Ученик Фэнцзина внезапно сгустился, и Чутянь кувыркнулся, чтобы избежать нефрита в руках Цзысяошэна. Он закричал: "Цзы Цыци, ты не хочешь оглушить меня, я ведь связан?".

Цзы Сяошэн остался на месте, улыбнулся, взял нефрит и тяжело закашлялся.

Оглянувшись на Фэнцзин, Фэн Сяо посмотрел на Цзы Сяошэна суровыми глазами и мягко покачал головой. Цзы Сяошэну ничего не оставалось, как вздохнуть и сказать: "Если ты не хочешь уходить, тогда дам тебе совет".

Не дожидаясь, пока Чутянь откроет, Цзысяошэн подцепил пальцем крюк, Чутянь правой рукой защитил рукоять в зеленом мече прямо наружу, попал в руки Цзысяошэна. Из ладони Цзы Сяошэна вырвалось фиолетовое пламя и окутало весь зеленый меч.

В зеленом мече, словно фейерверк, рассыпались бесчисленные циановые надписи.

Цзы Сяошэн схватил несколько кусочков прозрачного шпата с дымкой света, и энтузиазм перешел в фиолетовое пламя, которое превратилось в странный луч света в зеленом мече.

"За 100 000 лет пустоши произойдут большие изменения. За эти два дня я видел много интересных людей". Цзы Сяошэнмэнь сказал: "Чучжоу, Чжанчжоу, Чжанчжоу, Чжанчжоу и еще семь мест на востоке Они все станут \*\*\*\* призраками. Это первая волна пяти душ, их испытание "Дао", и это соревнование между ними."

"Бери своего знакомого, иди, чем дальше, тем лучше".

'□□', форма не изменилась, но внутри произошла бурная перемена зеленый меч, превратился в тень синего дракона, летящего обратно в Чутянь, прямо в его правую руку, стала его правая рука Синий дракон татуировка с длинным правителем.